

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ В ЕВРОСОЮЗЕ И РОССИЯ: СУТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

© 2019 г. Т. Романова, Е. Павлова

*РОМАНОВА Татьяна Алексеевна, кандидат политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, 193060 Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3,
подъезд 8 (t.romanova@spbu.ru).*

*ПАВЛОВА Елена Борисовна, кандидат политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, 193060 Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3,
подъезд 8;
Университет Тарту, Эстония, 51003 Тарту, ул. Лосси, 36 (e.pavlova@spbu.ru).*

Статья поступила в редакцию 26.12.2018.

Статья определяет положение России в концепции стрессоустойчивости Европейского союза. Демонстрируется, что ЕС связывает стрессоустойчивость и Россию через угрозы, источником которых последняя воспринимается. Выделяется два подхода Брюсселя к этим угрозам: реалистический и либеральный. Доминирование второго определяет суть стрессоустойчивости в ЕС и предполагает формирование пространств, включающих территории не только его членов, но и третьих стран. Это включение проблемно для России, поскольку оно определяет РФ только как источник угроз, не предполагает ее участия в управлении этими пространствами, а в качестве партнера для диалога ЕС видит исключительно гражданское общество (но не госструктуры).

Ключевые слова: ЕС, отношения России и ЕС, стрессоустойчивость, энергетическая безопасность, фейковые новости, кибербезопасность.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-102-109

Термин “стрессоустойчивость” (*resilience*) прочно вошел во внешнеполитический словарь Евросоюза в 2016 г. (о переводе на русский язык см.: [1; 2]). Этому послужили подготовка Глобальной стратегии ЕС (ГС) [3], пересмотр Европейской политики соседства, а также формулирование принципов отношений с Россией [4]. Само понятие для ЕС не было новым, но сфера его применения до 2016 г. ограничивалась экономикой, инфраструктурными проектами, охраной окружающей среды и отношениями с развивающимися странами [2]. В 2016 г. слово “стрессоустойчивость” выходит на лидирующие позиции применительно к внешней деятельности ЕС. В ГС оно упомянуто более 40 раз, в 2017 г. появилось специальное сообщение о стрессоустойчивости [5]. Термин также заполнил документы ЕС по энергетике и гибридным угрозам, по химическому оружию и противодействию разведдеятельности.

В этом контексте цель статьи — определить соотношение концепции стрессоустойчивости ЕС с российской проблематикой, а также оценить потенциальные последствия ее применения в отношениях Москвы и Брюсселя. В первой части, используя дискурс-анализ, мы продемонстрируем, что концепция стрессоустойчивости связывается с Россией главным образом через идентификацию угроз, ассоциируемых с Москвой, и определим эти угрозы. Во второй части будут выявлены два подхода к противодействию угрозам, а также продемон-

стрирована их корреляция с включением России в единые с ЕС пространства, где Брюссель считает легитимным свои действия. Такой подход к России устраняет противоречие между дискурсом ЕС и теоретическими работами по стрессоустойчивости [6], но Евросоюз не всегда придерживается этого подхода. Кроме того, само видение процесса включения, предлагаемое ЕС, проблемно для России. Поэтому в третьей части мы рассмотрим четыре дискуссионных аспекта включения РФ в эти пространства, показав, что в нынешнем прочтении стрессоустойчивость не создает перспектив долгосрочных отношений Москвы и Брюсселя.

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ ЕС И РОССИЯ: ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ

ГС 2016 г. определяет стрессоустойчивость как “способность государств и обществ реформироваться, сопротивляясь внутренним и внешним кризисам и восстанавливаясь после них” [3]. Сообщение 2017 г. конкретизирует “стратегический подход ЕС” к стрессоустойчивости как “адаптивность государств, обществ, общин и индивидов к политическому, экономическому, экологическому, демографическому и социальному давлению, которая позволяет сохранять прогрессивные тенденции в достижении национальных целей развития”, как способность государств “выстраивать, сохранять и восстанавливать

свои основные функции”, а обществ “управлять возможностями и рисками” в контексте вызовов и угроз [5]. Иными словами, концепция стрессоустойчивости означает способность актора выживать и выполнять ключевые функции в современных условиях, когда опасности и угрозы сложно не только исключить, но порой даже четко идентифицировать.

Евросоюз не является первооткрывателем этой концепции. Теоретические разработки по стрессоустойчивости активно велись во второй половине XX столетия в экологии (откуда произошла современная трактовка концепции [7]), в психологии, в инженерных науках [8; 9]. Кроме того, концепция стрессоустойчивости стала интегральной частью национальных стратегий безопасности США и стран Европы. Видение ЕС возникает на этой идейной и практической основе, но с учетом переосмысления и особенностей, присущих интеграционному процессу [10].

ГС, развивая положения по стрессоустойчивости и Евросоюза, и его стран-соседей, прямо не упоминает Россию. Непосредственно на нее в документе есть ссылка только в разделе о кооперативных региональных порядках. Причем отношения с Москвой охарактеризованы как “стратегический вызов”, а взаимодействие пока допускается лишь для сфер совпадения насущных интересов. В то же время присутствие России незримо ощущается при обсуждении ГС проблем энергоснабжения, кибербезопасности и фейковой информации. Сформулированные в марте 2016 г. пять пунктов по отношениям с РФ также содержали указание на стрессоустойчивость ЕС, особенно в сфере энергобезопасности, гибридных угроз и стратегической коммуникации [4]. Сообщение о стрессоустойчивости [5] подтверждает эту линию: оно прямо называет Россию, говоря о необходимости укрепления стрессоустойчивости ЕС в энергетике, сфере гибридных угроз и стратегической коммуникации. Обсуждая восточноевропейских соседей, документ не упоминает Россию, но перечисляет те же, ассоциируемые с ней, угрозы.

В 2018 г. тенденция связи стрессоустойчивости ЕС с “российскими” угрозами усилилась. Во-первых, появились конкретные примеры недружественного к Евросоюзу поведения Москвы, которые постоянно цитируются. Важность стратегической коммуникации подтверждается регулярными рассылками Страткома (Оперативной рабочей группы по стратегическим коммуникациям – профильного подразделения в ЕСВС), где идентифицируются случаи искажения информации СМИ в России. Опасность использования химического оружия демонстрирует отравление семьи Скрипалей в Солсбери. Насущность противодействия в сфере кибербезопасности иллюстрируют разоблачения голландских спецслужб, а также обвинения Лондона в попытках

вмешаться в работу пограничных служб Альбиона. Во-вторых, расширяется список угроз, ассоциируемых с Россией. Стессоустойчивость теперь упоминается и в связи с противодействием использованию химического оружия, и при описании непропорциональной деятельности российских спецслужб.

Таким образом, развивая концепцию стрессоустойчивости применительно к России, ЕС концентрируется главным образом на угрозах. Действия Москвы воспринимаются как вызов стрессоустойчивости и Евросоюза, и его восточных соседей. Отличий между ними три. Первое – соседи ЕС сталкиваются и с другими угрозами их стрессоустойчивости, в том числе в экономике, охране окружающей среды, политическом устройстве. Второе – этим странам еще предстоит усилить государственные институты и гражданское общество, выстроить недостающие элементы (а не только укрепить партнерство между ними, как внутри ЕС). Поэтому в отношении восточных соседей Брюссель акцентирует социальные, экономические и политические трансформации. Иными словами, речь идет о полномасштабном развитии ресурсов, которые помогут соседям справиться с угрозами. Третье – Евросоюз обозначает себя как игрока, который знает, как укрепить стрессоустойчивость и намерен экстраполировать свой опыт в регионе соседства (но не перенимать чужой). Особенно подчеркивается развитие здесь общего с ЕС понимания интересов и угроз, то есть четко фиксируется аспект наставничества. Более того, российские угрозы становятся дополнительным важным ресурсом сотрудничества ЕС и стран соседства¹. Однако три названных отличительных фактора никоим образом не меняют восприятие России как источника угроз для стрессоустойчивости.

Евросоюз ассоциирует с Россией как минимум пять угроз. Первая – стабильность снабжения энергоресурсами – обозначилась еще в начале нынешнего века. Связана она с тем, что ЕС приобретает значительные объемы углеводородов и ядерных материалов у РФ (ее доля в поставках в Союз для нефти и природного газа достигла в 2016 г. 31.9 и 39.9% соответственно [11]). Он импортирует до 40% ядерных материалов из России, что также провоцирует озабоченность [12]. При этом зависимость от поставок нефти и ядерных материалов нивелируется довольно легко, тогда как каналы продажи природного газа разнообразить сложнее из-за дорогостоящей инфраструктуры.

Три следующие угрозы относительно новые. Их часто называют гибридными. Согласно определению Европейского союза, гибридность – это “концепция, комбинирующая принудительные и подрывные действия, традиционные и нетрадиционные методы

¹ Авторское интервью с чиновником ЕСВС, 9 октября 2018 г.

(например, дипломатические, военные, экономические, технологические), которые могут использоваться скоординировано государством или другим актором для достижения определенных целей, но без перехода к формально объявленной войне” [13].

Один вид гибридных угроз, который в последнее время вызывает растущую озабоченность ЕС, — использование так называемых фейковых новостей и стратегической коммуникации. Феномен вброса ложных данных в политических целях не нов, но единое глобальное информационное пространство, свобода Интернета, широкое использование социальных сетей, наличие ботов и ложных профилей делает влияние фейка масштабным как никогда. Угроза “стратегической коммуникации” связана с ложной информацией, она — часть “согласованной стратегии дискредитации политических и социальных систем, центральных для... идентичности, ... безопасности и стабильности” Союза [5]. Считается, что российские СМИ ведут активные действия на этом направлении.

Другая гибридная угроза кроется в киберсфере, поскольку компьютеры и Интернет интегрированы во все области человеческой деятельности. При этом сети связаны между собой и формируют пространство, не ограниченное территорией государства, а сбои в них могут причинить огромный ущерб экономике, политике и безопасности любого актора. Фейковые новости и кибербезопасность часто упоминаются и в связи с обвинениями во вмешательстве во внутривнутриполитическую жизнь стран Запада.

Вред химического оружия объяснять не стоит; растущая озабоченность им связана с двумя факторами. Первый — (реальные или мнимые) нарушения режима запрещения этого оружия. Второй — относительная прозрачность границ, которая позволяет любому путешественнику провезти смертоносную субстанцию, а государству — при необходимости открититься от него как частного лица. Именно такое применение химического оружия позволяет классифицировать его как гибридную угрозу.

Наконец, в последнее время растет озабоченность ЕС деятельностью спецслужб иностранных государств, прежде всего — России. Критику вызывает как высокая активность, так и дерзость операций, предполагающих не только сбор материалов, но и их фальсификацию или разглашение конфиденциальной информации. Эта угроза тесно смыкается с проблемой обеспечения кибербезопасности и вмешательством во внутривнутриполитическую жизнь.

Таким образом, как минимум пять угроз в продвигаемой Европейским союзом концепции стрессоустойчивости ассоциируются с Россией. Рассмотрим подходы Евросоюза к работе с этими угрозами, а также их связь с включением РФ в единые с ЕС пространства.

ПОДХОДЫ К УГРОЗАМ И ПРОБЛЕМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ РОССИИ

Независимо от того, о какой угрозе идет речь, в политике ЕС можно идентифицировать два противоположных подхода к управлению ими. Удобнее всего проиллюстрировать их на примере энергетической безопасности, где выделяются реалистический (геополитический) и либеральный (рыночный) комплексы действий [14; 15; 16]. Суть первого в том, что актор минимизирует контакты с визави, от которого исходят угрозы, полагаются на собственные (или полностью подконтрольные) ресурсы. Суть второго — в опоре на рынок, где роль государства состоит в выстраивании правового режима, который позволит компаниям доставлять востребованный потребителями объем энергоресурсов. При этом сам режим должен быть по определению трансграничным, поскольку предполагаются поставки из одного государства в другое.

Первый вариант в экстремальном виде можно представить как автаркию, второй — как создание единого пространства обмена энергоресурсами между ЕС и его партнерами, с едиными регулированием и инфраструктурой. Евросоюз сегодня опирается на рынок, но одновременно создает кризисные запасы на случай перебоев, развивает внутренние ресурсы, снижает потребление и создает альтернативные каналы поставок [17]. Иными словами, признается, что пространство обмена энергоресурсами выходит за пределы ЕС, в том числе включает Россию. Для компаний, которые хотят действовать на его территории, разрабатываются правила, но также предпринимаются шаги для обособления при необходимости пространства ЕС.

Сходные подходы можно идентифицировать в области фейковой информации и стратегической коммуникации. С одной стороны, возможна блокировка ресурсов, зарекомендовавших себя негативно. В эту категорию попадает заморозка сомнительных аккаунтов в соцсетях или отказ, например, *RT* или *Sputnik* в праве вещания на какой-то территории. С другой стороны, ограничение в доступе к отдельным ресурсам нередко вызывает критику как нарушение прав на свободу слова и информацию [18]. Кроме того, поскольку само понятие фейковых новостей не имеет четкого определения, нет ясности, что блокировать, а оценки контента часто расходятся. В этой связи ЕС решил создать группы проверяющих факты и кодекс о дезинформации онлайн, а также поощрять высококачественную журналистику [19]. Отмечается необходимость повышения общего уровня образования граждан, чтобы они сами могли распознавать фейковые новости [20]. Стратком также позиционирует себя как институт, способствующий стрессоустойчивости граждан, поскольку он обращает внимание на

случаи вбросов недостоверной информации и таким образом “вакцинирует” жителей ЕС². Иными словами, и здесь признается, что информационное пространство Союза не заканчивается на его границах, и Россия включается в него. Но для всех, кто способен оказывать влияние в ЕС, вырабатываются правила игры, а гражданам Евросоюза предоставляются дополнительные возможности получения образования.

Аналогично складывается ситуация с регулированием киберпространства. Один вариант – оградить пространство ЕС от глобального, предотвращать атаки за счет максимального контроля. Другой – обеспечить управление киберпространством, границы которого не совпадают с территорией стран ЕС, а очерчиваются развитием технологий (глобальной сетью) и включают другие государства (в частности, Россию). В современном мире изоляция невозможна технически, поскольку информация поступает из разных мест, пользователи перемещаются, а ключ к успеху – совместимость данных. Безопасность киберпространства видится в этом случае не как отсутствие угроз или их предотвращение за счет изоляции, а как умение восстановиться после стрессовой ситуации. Важна и передача ответственности от центральных официальных структур на места, а также компаниям, неправительственным организациям. Кроме того, ЕС очерчивает практики минимальной безопасности и правила поведения в киберпространстве, которые выходят за его границы. В работе с этой угрозой можно обнаружить в ЕС, с одной стороны, укрепление мер, направленных на предотвращение атак на своей территории, а с другой – сохранение максимальной открытости, стремление регулировать пространство, выходящее за собственные пределы, включающее и Россию. Доминирует второй подход.

Наконец, наиболее сложна борьба с использованием химического оружия и возросшей деятельностью спецслужб иностранных государств в ЕС. Здесь на одной чаше весов тотальный контроль государства, ограничение гражданских прав, ужесточение режима въезда иностранных граждан и перевозки грузов. На другой – создание мягких правил, обучение граждан, а также четкое формулирование позиции ЕС по химическому оружию и усиление компетенций международных структур контроля. Евросоюз явно предпочитает второй подход. А опора на международные структуры, сохранение существующей прозрачности границ позволяют также включать территорию третьих стран (в том числе РФ) в единое с ЕС пространство. Одновременно возможно возбуждение уголовных дел против отдельных лиц или высылка иностранных граждан с территории Европейского союза.

Упомянутые угрозы можно попытаться нейтрализовать либо через ограничение зависимости ЕС извне, исключение “других” из его пространства в случае первого подхода, либо через признание взаимозависимости, включение территорий третьих стран в единую с ним систему, стремление регулировать их юридических и физических лиц – во втором. Включение это достигается за счет сокращения барьеров для передвижения товаров и услуг, капитала и людей, за счет выработки общих условий регулирования.

Оба подхода имеют институциональные опоры в Евросоюзе. Например, Генеральный директорат (ГД) Европейской комиссии по торговле или ГД по конкуренции больше ориентированы на либеральный режим обращения энергоресурсов, а ЕСВС – на реалистический. ГД по коммуникации, контенту и технологиям и ГД по правосудию и защите потребителей продвигают максимально широкий доступ к информации, а ЕСВС – некоторое ограничение свободы обмена данными. ГД по коммуникации, контенту и технологиям и Агентство ЕС по сетям и информационным технологиям настаивают на максимальной открытости сетей, а ЕСВС – на повышении мер безопасности и ограничениях.

Однако в целом политика Брюсселя ближе ко второму, либеральному, подходу, к открытости и размыванию границ за счет формирования пространств, включающих территории за его пределами. Неслучайно ГС отмечает, что “Союз не может поднять мосты, чтобы оградить себя от внешних угроз”, поскольку “изоляция только лишит его возможностей, представляемых объединенным миром”, и поэтому он намерен “управлять взаимозависимостью, учитывая все возможности, вызовы и страхи, которые принесет этот выбор” [3]. В то же время такой взгляд на вещи не исключает элементов первого, изоляционистского, подхода. Скорее надо говорить о либеральном варианте с реалистическими элементами. ЕС существует “в двух разных эпистемных режимах ответа на угрозы”: первый – управление рисками, где возможен некоторый уровень безопасности, но за счет четкого контроля своей территории и изоляции; второй – “стрессоустойчивость как ответ на непредсказуемое развитие ситуации” [21, р. 74].

Выбор Евросоюза закономерен. В противном случае в энергетике под вопрос ставились бы рыночные ценности, в области информации – гражданские права, в киберсфере терялись бы преимущества глобального информационного мира, а в борьбе с химическим оружием и деятельностью спецслужб – контакты с гражданскими обществами и компаниями третьих стран. Выбор первого, реалистического, подхода был бы креном в сторону патернализма и авторитаризма, а предпочтение второго означает либеральное производство свобод.

² Авторское интервью с чиновником ЕСВС, 4 октября 2018 г.

Либеральный подход к угрозам хорошо соотносится с концепциями стрессоустойчивости, как они понимаются в современных социальных науках [6]. Во-первых, очевидно разделение ответственности между индивидом, компаниями и обществом, с одной стороны, и официальными структурами управления, с другой, передача ответственности от государства/ЕС юридическим и физическим лицам. Во-вторых, либеральный подход решает еще одну проблему. Стессоустойчивость – это характеристика системы; и вызовы, и ресурсы для ее преодоления должны быть внутренними для этой системы; угрозы не могут иметь внешний характер, поскольку в этом случае правильнее говорить о сопротивлении (*resistance*). Либеральный подход включает угрозы и ресурсы для работы с ними в единую систему.

Вместе с тем возникает вопрос о положении в этой системе России, в частности, в пространствах энерготорговли и информации, обращения химического оружия и деятельности спецслужб, в киберсфере, то есть в пространствах, которые выходят за пределы географических границ стран ЕС и включают другие территории. Далее рассмотрим специфику включения РФ.

ПРОБЛЕМА ВКЛЮЧЕНИЯ РОССИИ: ВЫБОР ЕС

Либеральный подход к угрозам, предпочитаемый Евросоюзом, лежит в основе концепции стрессоустойчивости, но он влечет как минимум четыре взаимосвязанных и проблемных для России аспекта.

Первый – это отсутствие четкого подхода к угрозам, источником которых считается РФ. Она то включается в единое с ЕС пространство за счет использования либерального подхода, то исключается из него политическими действиями, которые предпринимает Союз и различные его службы, руководствуясь реалистической логикой. Оба подхода сосуществуют, а соотношение между ними постоянно меняется, в зависимости от текущих событий и пространства, о котором идет речь.

Отсутствие четкого решения относительно подхода к “российским” угрозам также очевидно в различиях между странами-членами. Например, они по-разному воспринимают свою зависимость от России в энергетике и, следовательно, сотрудничество с ней на рыночной основе. Хрестоматийным кейсом “Северным потоком” – газопроводом по дну Балтийского моря. Германия видит в нем возможность создать новый канал поставок, а также укрепиться в роли газового хаба. В то же время Польша и страны Балтии выступают против роста зависимости от Москвы. Нет единства и в борьбе с фейковыми новостями: одни страны оставляют полную свободу гражданам, другие вводят добровольные практи-

ки, третьи предлагают ужесточить контроль. В этом контексте интересны исследования аналитического центра *European Values*, где страны Евросоюза разделены на группы, обусловленные тем, есть ли “политическое признание российской угрозы”, “меры государства по противодействию” и “операции спецслужб против дезинформации” [22]. Государства, не ограничивающие свободу информации, названы “коллорационистами Кремля”, а их антиподы, “полномасштабные защитники”, требуют максимально исключить РФ из единого с ЕС информационного пространства.

Таким образом, в Евросоюзе не существует однозначного подхода относительно включения России в общие с ним пространства.

Второй аспект видится в том, что РФ включается как источник рисков, а не как пространство, располагающее ресурсами для того, чтобы научиться жить в присутствии этих угроз, нивелировать их значение (как Союз или страны Восточной Европы). Возникает система, состоящая из:

- центра, ЕС (требующего не изменений, а укрепления своих практик и ресурсов),
- полупериферии, Восточной Европы (где угрозы также есть, но надо стимулировать выстраивание ресурсов, аналогичных имеющимся в ЕС) и
- периферии, России (источника угроз).

Иными словами, в концепции стрессоустойчивости Евросоюза происходит ограниченное включение РФ в единое пространство, только за счет угроз, изолироваться от которых невозможно.

Третий проблемный аспект состоит в том, что периферийное понимание России не исключает разработки соответствующего регулирования, затрагивающего ее. Прекрасным примером может быть энергетика, где Европейский союз уверен в правильности либерализации или природоохранного регулирования и пытается экстраполировать его на своих поставщиков. То же происходит сегодня и в пространствах других угроз. В новостном – разрабатываются правила для СМИ, механизмы проверки новостей, методики повышения уровня образования граждан. В киберсфере уточняются технические параметры, укрепляется роль независимого Агентства ЕС. Комиссия также представила в 2017 г. план действий в области химического оружия, а Организация по запрещению химического оружия в июне 2018 г. приняла британские предложения (пролоббированные ЕС) о расширении ее (Организации) полномочий.

У Союза уже накопилось немало способов продвижения разработанных им норм в третьи страны, даже не стремящиеся в него вступить. Например, действенна экстраполяция тех или иных стандартов

путем превращения их в интернациональные нормы, курируемые международными организациями. Другой способ – воздействие на частных игроков, на компании. Если они работают и хотят оставаться на рынке ЕС, им предлагается следовать его правилам, в том числе вне Союза. В результате происходит расширение регулирования последнего на территории за пределами географических границ его стран-членов, включение новых пространств (в частности России) в качестве объекта регулирования, но не в качестве полноценного субъекта разработки норм. Складывается впечатление, что в концепции стрессоустойчивости ЕС отказывается от конструктивно-го и равноправного сотрудничества с РФ.

Попытки российских экспертов убедить Евро-союз (еще до инцидентов в Гааге в 2018 г.) в необходимости сотрудничать в киберсфере для разработки нового законодательства ничем не закончились. Можно заключить, что любая инициатива по совместному регулированию должна исходить от ЕС. Если же ее предложит Россия, она будет отвергнута. Это более ощутимо именно в тех сферах, где Россия воспринимается как источник угроз для Союза.

Наконец, четвертый проблемный аспект связан с тем, что концепция стрессоустойчивости разделяет стрессоустойчивость государств и обществ. В нормальной ситуации они должны функционировать согласованно. Теория говорит о необходимости обоих компонентов. Государство формирует запрос и контекст для стрессоустойчивости, а общество осуществляет соответствующие практики [6]. Согласно ГС, “стрессоустойчивое общество, демонстрирующее приверженность демократии, доверие к институтам и устойчивое развитие, составляет ядро стрессоустойчивого государства” [3]. Сообщение 2017 г. о стрессоустойчивости развивает эту линию и расшифровывает компоненты стрессоустойчивости и государства, и общества [5].

В то же время во внешней деятельности Евро-союза очевидно противоречие между поддержкой стрессоустойчивости и стабильности государства, с одной стороны, и демократизацией общества как основы стрессоустойчивости, с другой. ЕС идет на сложное балансирование этих двух составляющих в политике соседства, в отношениях с развивающимися странами. А во взаимодействии с Россией он и вовсе их изолирует друг от друга. Уже первое поколение санкций в 2014 г. ограничило контакты его институтов с российскими государственными структурами. Пять принципов выстраивания отношений с РФ также говорят только о выборочном сотрудничестве с официальной Москвой, но одновременно о поддержании и развитии связей с ее гражданским обществом. Показательны поощрение деятельности Гражданского форума РФ и ЕС, развитие образовательной мобильности и совместных исследований. Пожалуй, единствен-

ное исключение на негосударственном уровне – это компании, ограниченные санкциями. Но и тут чиновники Брюсселя всячески подчеркивают, что их действия не направлены на нанесение ущерба простым гражданам (здесь не будем обсуждать реализуемость этой идеи)³. Ради сохранения диалога гражданских обществ Евросоюз даже в связи с инцидентами в Солсбери и Гааге не планирует ужесточать визовый режим для российских граждан.

Четвертый проблемный аспект включения РФ в единые с ЕС пространства продолжает третий. Брюссель стремится, осознанно или нет, распространить на Россию свои нормы. В этом контексте контакты с гражданами и их социализация относительно этих правил и законов важны, в том числе для создания рычага давления на российское руководство, для “дисциплинирования” [23] его изнутри. В то же время государственные структуры, провоцирующие угрозы, нерелевантны для ЕС; с ними возможно лишь тактическое сотрудничество. Неслучайно Союз не может сформулировать долгосрочной цели в отношении России. В итоге в пяти принципах он вытесняет государство в Российской Федерации, воспринимаемое как источник угроз, но мягко стимулирует стрессоустойчивость ее гражданского общества.

Таким образом, включение России в единые с ЕС пространства в концепции стрессоустойчивости проблематично, как минимум, в четырех аспектах. Первый – неравномерность этого включения в зависимости от направления взаимодействия, времени и стран-членов. Второй – включение только через угрозы, источником которых воспринимается Москва. Третий – отсутствие права участия РФ в выработке регулирования деятельности в рамках единых пространств. Наконец, включение российского гражданского общества при ограничении контактов с государственными структурами. Эта модель по сути является иерархическим включением России в единые с ЕС пространства.

* * *

В статье мы рассмотрели место России в концепции стрессоустойчивости Европейского союза, центральном компоненте его современной внешней политики. Главным образом она фигурирует как страна, провоцирующая в ЕС и его соседях угрозы (нестабильность энергоснабжения, фейковые новости, кибератаки, применение химического оружия и непропорциональную активность спецслужб). В Евросоюзе можно идентифицировать два подхода к этим угрозам: реалистический, предполагающий изоляцию, и либеральный, составляющий суть стрессоустойчивости и подразумевающий включение неизбежных угроз и территории их происхождения в единое с ЕС пространство. Это включение, од-

³ Авторское интервью с чиновниками ЕСВС, 4 и 11 октября 2018 г.

нако, ограничено. Оно динамично и неравномерно, зависит от сферы, времени и разнообразия позиций стран-членов. Оно происходит лишь через угрозы, от которых Союз не может изолироваться. При этом включение российской территории в соответствующее пространство не означает допуск Москвы к его регулированию. Наконец, включается гражданское общество РФ, но не ее государственные структуры.

Можно ли трансформировать это ущербное включение России в отношения с ЕС? Тональность стрессоустойчивости, заданная Брюсселем, не подразумевает изменений между выделенными нами ядром, полупериферией и периферией. Нелучайно и вопросы о долгосрочном видении отношений с Россией ставят представителей ЕС в тупик. Альтернативная модель могла бы прийти от

РФ. С точки зрения теоретических разработок по стрессоустойчивости, преодоление современной ситуации возможно за счет переосмысления самой системы. Угрозы могут восприниматься как общие, а не исходящие лишь из одной ее части. Ресурсы консолидировано могут реорганизовываться и развиваться сообща под влиянием этих угроз или для их нивелирования. Стрессоустойчивость необязательно должна становиться основой новой модели отношений России и Евросоюза (или России и Запада). Однако как концепция она привлекательна, поскольку отвечает на непредсказуемость – основной фактор современности, а также обеспечивает включенность партнеров в единые пространства.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01110).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Гудалов Н., Тулупов Д. Семиотика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразие академических и политических смыслов. *Полития*, 2018, № 1(88), сс. 135-147. [Gudalov N., Tulupov D. Semiotika stressoustoichivosti v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: mnogoobrazie akademicheskikh i politicheskikh smyslov [Semiotics of Resilience in International Relations: The Diversity of Academic and Political Meanings]. *Politiya*, 2018, no. 1(88), pp. 135-147.] DOI: 10.30570/2078-5089-2018-88-1-135-147
2. Романова Т.А. Категория “стрессоустойчивость” в Европейском союзе. *Современная Европа*, 2017, № 4, сс. 17-28. [Romanova T.A. Kategoriya “stressoustoichivost” v Evropeiskom soyuze [Resilience Category in the European Union]. *Contemporary Europe*, 2017, no. 4, pp. 17-28.]
3. *Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy*. Brussels, June 2016. Available at: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed 12.08. 2018).
4. *Remarks by High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the press conference following the Foreign Affairs Council*. Brussels, 14 March 2016. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/5490/remarks-by-high-representativevice-president-federica-mogherini-at-the-press-conference-following-the-foreign-affairs-council_en (accessed 12.08.2018).
5. *Joint Communication to the European Parliament and the Council. A Strategic Approach to Resilience in the EU’s external action. European Commission and High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. JOIN (2017) 21 final*. Brussels, 07.06.2017. Available at: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/joint_communication_-_a_strategic_approach_to_resilience_in_the_eus_external_action-2017.pdf (accessed 12.08.2018).
6. Chandler D., Coaffee J., eds. *The Routledge Handbook of International Resilience*. London, Routledge, 2017. 402 p.
7. Holling C.S. Resilience and Stability of Ecological Systems. *Annual Review of Ecology and Systematics*, 1973, vol. 4, no. 1, pp. 1-23. DOI: 10.1146/annurev.es.04.110173.000245
8. Bourbeau P. A Genealogy of Resilience. *International Political Sociology*, 2018, 12(1), pp. 19-35.
9. Bourbeau P. Resilience, Security and World Politics. *The Routledge Handbook of International Resilience*, Chandler D., Coaffee J., eds. London, Routledge, 2017, pp. 26-37.
10. Романова Т., Павлова Е. От гражданской (мягкой) и нормативной силы к стрессоустойчивости (resilience): эволюция идейных основ внешней деятельности Евросоюза. *Международные процессы*, 2018, т. 16, № 2, сс. 73-90. [Romanova T., Pavlova E. Ot grazhdanskoi (myagkoi) i normativnoi sily k stressoustoichivosti (resilience): evolyutsiya ideinykh osnov vneshnei deyatelnosti Evrosoyuza [From Civilian and Normative Power to Resilience: Evolution of the Ideational Basis of the EU’s External Policy]. *International Trends*, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 73-90.] DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.5
11. *Energy production and imports. Eurostat Statistics Explained. 2018*. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Energy_production_and_imports#More_than_half_of_EU-28_energy_needs_are_covered_by_imports (accessed 30.10. 2018).
12. *Communication to the European Parliament and the Council on the short term resilience of the European gas system. Preparedness for a possible disruption of supplies from the East during the fall and winter of 2014/2015*. Brussels, 28.05.2014. Available at: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/2014_stresstests_com_en.pdf (accessed 02.11.2018).
13. *Joint Communication to the European Parliament and the Council. Joint Framework on countering hybrid threats a European Union response. European Commission and High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. JOIN (2016) 18 final*. Brussels, 06.04.2016. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52016JC0018> (accessed 02.11.2018).
14. *Study on Energy Supply Security and Geopolitics, Final Report. Clingendael International Energy Programme. January 2004*. The Hague, CIEP, 2004. 281 p. Available at: http://www-personal.umich.edu/~twod/oil-ns/articles/shaikh/2004_lv_ciep_report_en.pdf (accessed 14.03.2019).

15. Stoddard E. Reconsidering the Ontological Foundations of International Energy Affairs: Realist Geopolitics, Market Liberalism and a Politico-Economic Alternative. *European Security*, 2013, vol. 22, no. 4, pp. 437-463. DOI: 10.1080/09662839.2013.775122
16. Youngs R. Europe's External Energy Policy: Between Geopolitics and the Market. *CEPS Working Document*. 2007, no. 278. 17 p. Available at: <https://mgimo.ru/files/16584/9.8.pdf> (accessed 14.03.2018).
17. *Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy*. European Commission. COM (2015) 80 final. Brussels, 25.05.2015. Available at: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:1bd46c90-bdd4-11e4-bbe1-01aa75ed71a1.0001.03/DOC_1&format=PDF (accessed 02.11.2018).
18. Alemanno A., Brogi J., Fischer-Zernin M., Morrow P. *Is the EU Disinformation Review Compliant with EU Law? Complaint to the European Ombudsman about the EU Anti-Fake News Initiative*. Research Paper no. LAW-2018-1273. Paris, HEC Paris, 28 March 2018. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3151424> (accessed 02.11.2018).
19. *Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Tackling online disinformation: a European Approach*. European Commission. COM/2018/236final. Brussels, 26.04.2018. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52018DC0236> (accessed 02.11.2018).
20. Renda A. *The Legal Framework to Address "fake news": possible policy actions at the EU level*. Brussels, EP, Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, 2018. 32 p. Available at: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2018/619013/IPOL_IDA\(2018\)619013_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2018/619013/IPOL_IDA(2018)619013_EN.pdf) (accessed 02.11.2018).
21. Aradau C. The Promise of Security. Resilience, surprise and epistemic politics. *Resilience*, 2014, vol. 2, no. 2, pp. 73-84. DOI: 10.1080/21693293.2014.914765
22. *2018 Ranking of countermeasures by the EU28 to the Kremlin's subversion operations*. Kremlin Watch Team. Prague, European Values Protecting Freedom, 2018. 98 p. Available at: <https://www.kremlinwatch.eu/userfiles/2018-ranking-of-countermeasures-by-the-eu28-to-the-kremlin-s-subversion-operations.pdf> (accessed 02.11.2018).
23. Joseph J. Resilience as embedded neoliberalism: a governmentality approach. *Resilience*, 2013, vol. 1, no. 1, pp. 38-52. DOI: 10.1080/21693293.2013.765741

**RESILIENCE IN THE EUROPEAN UNION AND RUSSIA:
ESSENCE AND PERSPECTIVES OF THE NEW CONCEPT**

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 6, pp. 102-109)

Received 26.12.2018.

Tatiana A. ROMANOVA (t.romanova@spbu.ru),

Saint-Petersburg State University, 1/3 (entrance 8), Smolnogo Str., Saint-Petersburg, 193060, Russian Federation.

Elena B. PAVLOVA (e.pavlova@spbu.ru),

*Saint-Petersburg State University, 1/3 (entrance 8), Smolnogo Str., Saint-Petersburg, 193060, Russian Federation;
University of Tartu, Lossi, 36, 51003 Tartu, Estonia.*

Acknowledgements. The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project no. 17-18-01110.

The article defines the position of Russia in the European Union's concept of resilience as it is put forward in the 2016 Global Strategy, five principles of relations with the Russian Federation and consequent documents. The discourse analysis of EU documents demonstrates that Russia is linked to resilience through threats, which – as Brussels believes – Moscow provokes. These are the challenges of energy supply, fake news, cybersecurity, chemical weapon and security services' activities. Two approaches to dealing with these threats are identified. The realistic one presupposes isolation of the European Union from these threats. The liberal one is based on the inclusion of threats and their places of origin, given the complexity of the world and impossibility of fences as they challenge market principles, civil freedoms and benefits of the interconnected world. This liberal approach constitutes the basis of resilience in the EU and presumes a construction of spaces that include both the European Union and territories beyond its geographical borders (inter alia Russia). This inclusion – although it is in line with theoretical writings on resilience – is problematic for Moscow for four reasons. 1) Unevenness of inclusion originates from diversity of fields of cooperation, time and diversity of the EU member states. 2) Inclusion solely through threats that Russia provokes is a limited form of inclusion. 3) Russia is included as a part of several spaces – energy, information, cyberspace, free circulation of people and goods, – but not in the governance system of these spaces. 4) Although resilience presupposes actions of states and societies, the European Union views partners mostly in the civil society of Russia while limiting cooperation with its state institutions. Although resilience might constitute a concept for future EU-Russia relations, it cannot be applied in the way it is currently promoted by the EU.

Keywords: EU, EU-Russia relations, resilience, energy security, fake news, cybersecurity.

About authors:

Tatiana A. ROMANOVA, Candidate of Political Science, Associate Professor.

Elena B. PAVLOVA, Candidate of Political Science, Associate Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-102-109